

Глава 6

Любящий Отец или крестная мать – фея?

Прошло почти два месяца с тех пор, как я встретился с Джоном на берегу озера Нелли, но казалось, что минула вечность. Заседание паствы, которое последовало за нашим разговором, как и ожидалось, стало моей битвой при Ватерлоо. Я не переставал надеяться на то, что мой друг, пастор и руководитель придет в чувство и станет на сторону истины до собрания или, по крайней мере, сразу же после него. Но этого не произошло. Он не поспешил нашей дружбой, чтобы прикрыть себя. Я был в шоке!

Перед началом собрания он выдвинул ультиматум – либо я поддерживаю его версию произошедшего, либо ищу другую работу. Я, было, почти сдался, но, в конце концов, не смог заставить себя солгать в его пользу. Краеугольные выступления истины я все-таки пообтесал, как мог, сказав людям, что, на мой взгляд, пастор поддерживал концерт, хотя я мог и не правильно понять его. Пронзительный взгляд в ответ выдал то, что мой хитрый прием оказался совсем нехитрым. На следующее утро он просто прошелся по мне танком, обвинил в предательстве нашей дружбы и потребовал заявления на увольнение не позднее конца рабочего дня. Я не обременил его таким долгим ожиданием и вытянул требуемое из тетради, которую я захватил на нашу встречу, - не успел он и глазом моргнуть.

«Я весьма разочарован», - сказал он, не поднимая на меня взгляда. «У тебя были такие перспективы, а ты выбрасываешь их как мусор! Ради чего?» Он объявил мне, что проследит за выплатой мне зарплаты в конце месяца, и пригрозил, что раздавит меня, как комара, если я посмею сплетничать о нем по городу. Когда я направился к двери, он немного смягчился: «Не смотря на то, что произошло, мы не забудем тот вклад, который ты внес в нашу церковь как достойный работник. Надеюсь, что ты продолжишь ходить в наше собрание, дабы получить исцеление, которое тебе так необходимо».

Я смог только кивнуть на выходе, пораженный его дерзостью. Там, где наносят раны, вряд ли занимаются их исцелением, для последнего надо найти больницу получше. Когда Лори, я и все наши дети не появились на очередном служении в воскресенье, Джим зачитал наше прошение об исключении из собрания, и, как нам рассказывали позже, впал в двадцатиминутное рассуждение о том, какой безупречной репутации должен быть человек, служащий в церкви. Он поделился с собранием тем, что я проявил нечестность в попытке дискредитировать пастора, с целью занять его место. Я был в шоке, узнав, как ловко он обернул свой собственный грех в обвинение против меня.

Несколько наших друзей позвонили нам, чтобы поддержать и сказать о своем уходе из церкви, но большинство людей нас избегало. Поначалу я смертельно переживал всякий раз, когда знакомые от меня просто отворачивались в магазинах, делая вид, что не видят. Я мог только догадываться, что они обо мне думали. Лори и я несколько раз сходили на службы в другие церкви, просто потому, что были убеждены – нам это необходимо. Но, поскольку теперь мы знали, что скрывается за внешним проявлением благочестия, сердце к этому не лежало. Я был в растерянности. Те, кто ушел из церкви вслед за нами, были уверены, что я теперь начну свою. Но расположения к этому у меня также не было. И чем дальше я оттягивал время, тем больше их дружба отдавала холодком. Вернуться на работу в

недвижимость тоже оказалось нелегкой задачей. Рынок был на спаде, и все фирмы были перенасыщены служащими. Я начал сколачивать свое дело, но мои прежние клиенты уже нашли новых представителей, так что и это выглядело не совсем многообещающе.

Оставленный друзьями, без средств к существованию, не имеющий надежд на будущее, я, как мне показалось, наконец, ударился о то, что - по моему мнению - было каменистым дном. Я понял, насколько обольщался в тот момент, когда Лори позвонила мне по мобильному и сообщила, что у нашей дочери в школе случился приступ астмы и она срочно везет ее в больницу. Вот тут то, когда я несся на помощь, мой гнев и выплеснулся наружу. После всего, что я сделал для Бога, Он мог бы позаботиться о моей семье и получше! Я кипел внутри - лишенный медицинской страховки, не имеющий ни малейшего понятия, чем буду расплачиваться за больницу.

Поэтому, я полагаю, теперь вам понятно, почему я хотел просто бегом бежать прочь, когда Джон зашел в кафетерий этим вечером. Да, на текущий момент ей стало лучше, но охваченный гневом, именно сейчас я не хотел больше никакого Божьего вмешательства. Что я такого мог сделать, что моя дочь так страдает? Почему Бог не обращает внимания на все мои отчаянные молитвы о ее исцелении? Другие родители ворчат о том, как им трудно успевать за всеми «этими детскими занятиями», а я не уверен, переживет ли моя дочь очередной приступ астмы и боюсь за то, что прописанные нам стероиды могут затормозить ее рост.

Я искал недолгого прибежища в кафетерии, где я мог за чашкой кофе просмотреть журнал с последними новостями и обдумать еще раз все, что меня переполняло. Вот тут-то он и просунул голову за завесу моей святой святых. Теперь он еще и направлялся к моему столику. И я откровенно подумывал о том, чтобы заткнуть ему рот кулаком, если он вообще посмеет его открыть. Однако мне было известно, что этого не произойдет. Буря происходила у меня внутри, там, где ее никто не мог видеть. Я надеялся, что по моей реакции он все поймет и просто уйдет прочь, но он продолжал надвигаться, как туча. Наконец, он остановился у стула напротив меня, и начал выдвигать его, чтобы сесть. «Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?»

Конечно, возражаю! Шел бы ты! С момента, как я тебя встретил, ты для меня стал ходячей неприятностью! Но фильтры вежливости, сформированные с детства, не пропустили эмоции на язык. Наружу вышло только: «Пожалуй, сейчас мне лучше побыть одному».

Мне показалось, он удивился. Тихонько засунув стул назад, под стол, своим негромким голосом он сказал: «Не возражаю, Джейк. Можем поговорить и в другой раз». Я поднял на него глаза и блеснул яростным взглядом, когда он обошел стол и положил руку мне на плечо. Дружески сжав его, он сказал: «Я хочу, чтобы ты знал, как я сопереживаю тебе во всем, через что тебе приходится теперь пройти. Мне совсем не все равно». Похлопывание по плечу, и вот он уже отправился к двери.

Я смотрел ему в спину. Он шел, направляясь к выходу. Битва разгоралась внутри. Вся рать моих чувств билась за то, чтобы отдалить его прочь, однако малюсенькая, но непобедимая часть меня хотела знать, и что же он может такого сказать про все те руины, в которые превратилась моя жизнь. И если он сейчас выйдет за дверь, я не узнаю этого, до тех пор, пока мы встретимся снова, если вообще сможем.... Не успел он потянуться к дверной ручке, как я услышал собственный голос: «Джон, стой...те!»

Он повернулся через плечо, и, не отрывая руки от двери, посмотрел на меня. «Прошу прощения за грубость. Можем поговорить, если есть желание».

«Уверен, Джейк? Иногда одиночество в таких ситуациях, как у тебя, - лучшее из всего, что можно придумать».

«Я уже устал от одиночества...» Мои слова растворились в неконтролируемом стоне, который пробил ком в горле и вынес за собой весь шторм моей боли. Я не мог вымолвить ни слова пока, как из прорвавшейся трубы, из меня рыданиями выливалось все, что накопилось. Будучи не из тех, кто плачет - даже в самые худшие моменты жизни - я помню, как глупо и смущенно я вдруг себя почувствовал, в тот момент, когда Джон развернулся и пошел ко мне. Я пытался прекратить, но не мог. Джон подошел, встал за моей спиной и положил руки мне на плечи.

«Все хорошо», сказал он, сжимая мне плечи. «Все будет хорошо». Мне показалось, я слышал, как он негромко молился, но я был настолько сокрушен своими рыданиями, что не мог разобрать ни слова. И откуда столько взялось! Прошло минут пять, прежде чем я смог прийти в чувства - мне, однако показалось, что прошли все двадцать. Я умудрился, выдохнуть «Прости!», однако, Джон всем видом давал мне понять: он не торопит того момента, когда я успокою свои чувства. Я никогда не знал, как себя вести с людьми в те моменты, когда они не владеют собой, как это было теперь со мной. Но Джон сохранял спокойствие, он был рядом, со словами утешения, все то время, пока извергалась моя боль.

Когда она, наконец, иссякла, он сел рядом. Я даже не утруждался прятать от него свой гнев. Как мог Бог позволить всему этому произойти со мной, в то время, когда я пытался всеми силами устоять на Его стороне? И как Он мог не предотвратить то, через что пришлось пройти моей бедной девочке, оставив меня при этом без гроша и малейшего понятия о том, как я смогу заплатить за лечение. Я умолял Бога, чтобы он исцелил ее, чтобы он позаботился о моей семье и воздал по заслугам бывшему другу за всю ту боль, которую он мне причинил. Последняя моя молитва, я знал, пахивала несколько странно, но Давид часто молился так - и в Псалмах это записано. «Но больше всего я зол на тебя, Джон! С тех пор, как ты так легко ворвался в мою жизнь, все в ней перестало существовать - и причем, прямо на моих глазах. Никогда еще я не был более разочарован своею духовной жизнью, никогда еще не стоял так далеко от церкви. А теперь у меня еще и денег нет, чтобы хоть что-то там оставить! Вот такая полнота жизни во Христе у меня началась!»

Джон не клюнул ни на обвинения, ни на мой переход на «ты», выглядевший довольно грубо, просто сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на меня своим пронизывающим взглядом, который так поразил меня тогда, когда я впервые увидел его на улице в Сан Луис Обиспо. Я хотел разозлить его, довести до такого же состояния, в котором был сам, чтобы он оправдывался тут передо мной. Но он не поддался. Подперев голову рукой, он вздохнул: «Я знаю, насколько тебе нелегко сейчас, Джейк! Такие времена всегда тяжелы. Просто надо помнить - ты в середине пути, а не в конце».

«Это еще что могло бы значить?»

«Господь производит внутри тебя что-то очень важное. Он отвечает на самые потаенные твои молитвы, какие ты даже никогда не решался облечь в слова. Да, это повлекло за собой

невероятную боль, но это не означает, что Он покинул тебя, Джейк. Далеко не так! Напротив, Он так близок к тебе сегодня, как никогда не был».

«Что меньше всего похоже на правду. Ощущение такое, что Он обернул против меня всякое орудие, которым располагает». После некоторой паузы мое циничное я приподняло голову, ввернув: «Ну, да, конечно, разве чувства чего-нибудь стоят?»

«Значат, Джейк! И многого стоят! Но отсутствие у тебя ощущения Его поддерживающих рук, вовсе не означает, что Он не несет тебя у своей груди. Это означает другое: твои чувства просто настроены не на ту волну. Не уверен, что сейчас самый подходящий момент, чтобы разбираться в этом, но Бог хочет помочь тебе рассмотреть и увидеть те преткновения, которые без конца тебя улавливают».

«Ну, при таком раскладе, я зол уже не на тебя, а на Него! И не желаю, чтобы Он использовал мою жизнь в качестве футбольного мяча, который может пинать всяк, кому не лень!»

«Не то это, Джейк, не то! Я знаю, что для тебя сейчас все выглядит так, как будто ты потерял все ценное для себя, и в какой-то мере так оно и есть. Даже не допускай мысли, что он режиссировал все эти события для какой-то скрытой более высокой цели, потому что это не так. Но ты просил возможности познать Его, а это всегда тянет за собой последствия. Играть в игры, обусловленные культурой, - даже, если это религиозные игры - всегда легче, чем познавать, кто такой Бог, и куда Он тебя поведет».

«Но раньше, я, по крайней мере, имел, чем расплатиться по счетам», - огрызнулся я в ответ.

«Или, лучше сказать - думал, что имел».

На глубоком вздохе я уставился на Джона. Именно этого я терпеть не мог во всех наших беседах - он мог обронить подобное замечание - и попробуй, пойдешь, догадайся, что он имел в виду. Больше того, он никогда не утруждал себя объяснениями, если я не спрашивал, а я теперь не совсем был уверен, хочу ли я узнать еще что-нибудь от него. Я стоял перед выбором: спросить, что бы это значило, или уйти под предлогом, что надо проведать, как там Андреа.

Молчание затянулось куда дольше, чем это казалось приличным. Я однозначно был настроен: ни о чем его не спрашивать и не давать повода к дальнейшему разговору. Наконец Джон поднял голову с легкой улыбкой: «Но ты всегда был на грани отчаяния, разве нет?»

«Когда? В отчаянии от чего?»

«От того, что играл в религиозные игры. Тебя ведь это никогда не устраивало, разве я не прав? Разве не в отчаянии ты ложился спать, разочарованный тем, что Бог не сделал для тебя того, чего ты от Него ожидал?»

«Не всегда». Я прокручивал в уме последние несколько лет своей жизни. «Я помню и такие времена, когда Господь открывал мне Себя невероятным образом и показывал путь к тому, как лучше Его познать».

«Никаким образом не ставлю это под сомнение. Но это имело продолжение?»

«Нет, именно это и раздражает больше всего. Как только думаешь, что вот сейчас все и наладится, как нельзя лучше, все заканчивается полной разрухой. Мне еще предстоит найти, где это настоящее христианство, о котором мы читаем в Писании. У меня его нет. Даже знакомство с вами было так многообещающе, а теперь оно превращается в такое же недоразумение, как и все для меня, что несет на себе имя Бога».

«И как ты думаешь, почему это?»

«Послушай, Джон, если есть, что сказать, говори, я буду слушать. У меня нет ни сил, ни желания играть в загадки с тобой».

«Прости, Джейк», - сказал Джон, дотянувшись до запястья моей руки, лежавшей на столе. «Я никогда не играл ни в какие игры с тобой!»

«А что же тогда происходит, Джон? После всего того, что я сделал за последние несколько месяцев, чтобы выровнять все свои отношения с Богом, разве я не достоин чего-нибудь получше, чем это?... А? Как ты думаешь? Работы нет, репутация среди тех, кого я знал более двадцати лет, подмочена. Лори и я грызем друг друга, и ко всему этому – мы чуть было не потеряли сегодня дочь».

«Так значит, ты считаешь, что Бог обязан тебе чем-то лучшим?»

«Будто нет! С какой радости я тогда должен убиваться и следовать за Ним, если он не может присматривать за тем всем, что касается моей жизни!»

«Вот так, значит!», - ответил Джон, откинувшись на спинку стула. «Вижу, ты вырос с мыслью о том, что твоя добродетель фактически контролирует то, как в отношении тебя ведет себя Бог. Если ты отвечаешь требованиям своих обязательств, то Он должен выполнять свои».

«Еще скажешь, что нет!»

«Джейк, Бог исполняет свои обязательства постоянно, вне зависимости от того, исполняешь ты свои или нет. Он любит тебя больше, чем кто-либо когда-либо, и Он никогда не отведет руки своей от тебя. Иногда наши действия скоординированы с Его, иногда нет, и это влияет на всю картину. Но не думай, что можешь контролировать Бога своими потугами, - потому что это не так. Если бы мы контролировали Бога, то чем бы Он отличался от нас? Уж пусть лучше будут Его пути выше, а мы будем к ним подтягиваться».

«А что же мне делать со своим положением, Джон? Я же пытался произвести то, что было правильным, но это совсем мне не помогло!»

«На самом деле – помогло. Просто ты об этом еще не знаешь. Бог освобождает тебя от тех зацепок, которые составляли твое чувство безопасности в прошлом. Они препятствовали тому, чтобы тебе познать своего Бога как Отца – а Он знал, что именно в этом заключено твое желание. Да и зацепки эти все равно носили характер воздушных замков. Их утрата –

всегда боль, и я знаю, что тебе сейчас приходится наблюдать руины гораздо большего их количества, чем ты предполагал. Но не это меня сейчас заботит. Я озадачен тем, что ты думаешь, будто Бог восстал против тебя, или уж по крайней мере не обращает на тебя лица Своего».

«А что мне еще думать? Я то считал, что Бог что-то прояснит мне, и я полагал, что это принесет в мою жизнь больше радости и покоя. Я также рассуждал, что это откровение сможет умиротворить всех вокруг меня таким же образом, как и меня. Но все наоборот - все настроены против меня... и что мне думать? Вот я и думаю, не оставлен ли я в дураках? Если бы в этом была рука Божья, разве все не стало бы лучше?»

«Думаю, что стало бы. Больше того, я уверен, что так оно и есть».

Я еле сдерживал себя. «Вы... ты вообще в своем уме? Ты... вы как такое можете говорить? Разве не понятно, в каком я положении?»

«Можно и на «ты», Джейк. Не самое лучшее время, чтобы следить еще и за этикетом». Не дав мне даже оценить такой переход в наших отношениях, он продолжил о больном.

«Должен признать, что обстоятельства у тебя сейчас складываются не в лучшую сторону. Но все зависит от того, как на них смотреть. Ты идешь по новой дороге, но постоянно ожидаешь привычных твоему глазу знаков. Бог желает, чтобы ты познал: те, старые знаки – не более чем мифы, подпирающие не имеющую в себе жизни систему. И силы в них нет никакой, как ты уже успел заметить».

«Что еще за мифы?»

«Во-первых, ты считаешь, что страдание – это знак Божьей немилости. Разве Иов не впадал в эту же ошибку? Очень часто, страдание указывает на то, что Бог освобождает нас от чего-то, чтобы мы могли следовать за ним в большей свободе. Идти вслед за Ним всегда означает – двигаться против течения. И не жди, что твои обстоятельства быстро примут вид легкой ноши на этом пути. Напротив, они будут наваливаться на тебя всем грузом при каждом новом повороте. Бог желает обучить тебя тому, как идти вслед за ним сквозь все это, дабы ты мог познать такие радость и мир, которые превосходят любые события в твоей жизни».

«Но разве Бог не обещает благословить тех, кто последует Его путями?»

«Абсолютно так – это результат выбора, однако Божье определение этих благословений не всегда совпадает с нашим. Он ведет тебя по такому пути, размах которого ты еще не можешь полностью охватить разумом. Продолжай идти за Ним, и ты будешь просто поражен тем, что Он произведет в тебе. Самое сложное, - тебе придется признать на этом пути необходимость отказаться от иллюзии, что ты можешь контролировать происходящее в твоей жизни, или - другими словами, что ты можешь повернуть события так, что Бог не сможет не благословить тебя».

«Это ты по поводу того, как мне платить по счетам?»

«Да. Бог сам устроит. Как, впрочем, и всегда устраивал до этого момента – ты просто мог и не знать. Отсутствие сегодня страховки и работы не является утверждением того, что Он

оставил тебя. Сегодняшняя ситуация, в которой люди втаптывают в грязь твою репутацию, не говорит о том, что последнее слово осталось за ними. Бог – это не крестная мать-волшебница, устраивающая счастье одним мановением волшебной палочки. По предлагаемому тебе пути ты далеко не пройдешь, если будешь ставить под сомнение Божью любовь всякий раз, когда Его решения не будут отвечать твоим ожиданиям. Он – твой Отец. И Он знает, что тебе нужно гораздо лучше, чем ты сам. И Он может обеспечить тебя и твою семью гораздо лучше, чем ты это можешь себе представить. Он вводит тебя в Свою жизнь, и вместо того, чтобы уберечь тебя от всего произошедшего, Он решил использовать это в твоей жизни, для того, чтобы показать истинную свободу и истинную жизнь».

«Значит, Ему нравится, когда я страдаю?»

«Надеюсь, ты соображаешь лучше, чем говоришь. Он страдает сейчас здесь вместе с тобой. А как же иначе? Он любит тебя. Он не устраивает страданий *для тебя*, а разбирает завалы этого греховного мира, чтобы совершить нечто великое *в тебе*. Как только ты это поймешь, то даже самая жгучая боль от затрудненных обстоятельств будет притупляться. Ты будешь находить Его в центре происходящего и удивленно наблюдать за тем, как Он будет завершать свои намеченные цели и без тебя за штурвалом. Вот когда Его жизнь по-настоящему начнет тебя охватывать».

«Наверное, я бы предпочел быть просто счастливым», - сказал я, усмехнувшись, – это была первая попытка пошутить за последние несколько дней. От этого полегчало.

«Просто счастье – довольно дешевая замена тому, чтобы быть перевоплощенным в Его образ, разве нет?»

«Я понимаю. Но от этого легче не становится».

«Не становится. Но ты не думал, насколько усложняешь ситуацию, когда подозреваешь Бога в том, что Он противостоит тебе? Как бы все изменилось для тебя, если бы ты был уверен в том, что Он прямо тут, рядом с тобой, ведет тебя за руку к той полноте жизни, о которой ты умолял Его?»

Я на минуту задумался. «Тогда я, конечно же, не был настолько подавлен».

«Не был бы. Ты и в стесненных обстоятельствах тогда наслаждался бы Его присутствием, зная, что Он устраивает для тебя все как надо. Ты как-то упустил, что каждый из писавших Новый Завет знал, что Бог не разрабатывает сценариев для наших страданий, а использует последние для того, чтобы пронизать нас своей свободой до самых глубин нашего существа. Если ты избереешь пройти сквозь страдания с Ним, не отталкивая Его прочь с упреками и обвинениями, ты удивишься тому, что Он произведет из всего этого».

«Однако факт того, что я не знаю, чем мне оплатить счет за больницу остается реальностью сегодняшнего дня».

«Ты не знаешь, Джейк, - Он знает! Он уже произвел Свою работу по этому поводу. То, что ты не можешь этого видеть, не означает, что этого нет».

«Было бы конечно лучше, если бы я не видел того, как моя дочь прошла через все эти страдания. Представить себе не могу, что Он позволил ей болеть и страдать, чтобы достучаться до меня».

«И правильно делаешь. Андреа идет своим путем с Богом, и Он Сам проведет ее сквозь все это. Ты не можешь сделать ничего, чтобы уберечь ее от болезни, и ее страдания вовсе не обязательно используются Богом для обретения тебя. Но я почему-то уверен, что больше тебе не придется видеть ее приступов астмы».

«...? И от чего у тебя такая уверенность?»

«Вообще-то я пришел сегодня вечером сюда в больницу проведать друга, который близок к последнему вздоху в своей жизни. И тут я увидел тебя вместе с женой. Там, у палаты Андреа.... Вы там чуть раньше спорили немного».

Я немедленно вспомнил тот так называемый обмен мнениями. Мы оба находились под давлением одних и тех же обстоятельств и уже начинали наступать на горло друг другу. Я весь съезжился, представив, что Джон все это видел. «Не совсем приятное зрелище, прошу прощения».

«Пусть тебя это меньше всего волнует, Джейк. Вы оба в сложной ситуации и я далек от того, чтобы обсуждать, как вы с нею справляетесь. Я просто решил, что тогда был не самый лучший момент, чтобы появиться перед тобой. Чуть позже я пошел опять к палате, предполагая, что смогу встретиться с кем-нибудь из вас, - никого не было, а Андреа одна боролась с астмой за очередной свой вздох. Глаза ее были полны страха. Я подошел и спросил, могу ли помолиться. Она кивнула, и я помолился. Время покажет, конечно, но я почему-то уверен – астмы больше не будет».

«Так ты ее исцелил!»

«Если бы я только мог! Но я думаю, что Бог исцелил».

«Ты это серьезно? Я молился тысячу раз об этом и Он не ответил мне».

«Кто сказал, что не ответил? Я просто добавил свою молитву поверх всех твоих».

«Но почему Он не сделал этого, когда я раньше молился и просил?»

«Потому, что это не в твоей власти, Джейк, и не в моей. Все в Его воле. Исцеление – это не волшебный трюк. Когда мы учимся жить по Его воле, нам приходится входить во взаимосвязь со всем, что Он производит. Я просто молился за Андреа, за то, чтобы ее дыхание выровнялось, чтобы покой Божий пребыл с ней, но я уверен, что Бог произвел гораздо большее».

«Почему?»

«Даже не знаю, как тебе это описать больше, чем я уже сказал, но я просто почувствовал, что астма ушла. Я думаю, - она это почувствовала тоже. Ее дыхание стало таким же ровным, как и у тебя. Страх в глазах исчез, появилась улыбка на губах, и она откинулась на подушку с глубоким вздохом».

«Вот почему, когда я пришел, она спала. А мы подумали, что это лекарства начали действовать».

«И это тоже неотъемлемый факт. Но Бог решил произвести нечто сверх того».

«Это было бы больше, чем я мог ожидать. Представить себе не можешь, как мне тяжело, когда она страдает. Значит, как ты говоришь, нужно быть просто счастливым, вне зависимости от того, что происходит».

«Да нет, Джейк, это вовсе не то, что я говорю. Я просто пытаюсь помочь тебе увидеть, к чему ведет Господь и почему ты в таких обстоятельствах. Ему вовсе не нужно, чтобы ты делал вид, что счастлив. Больше того, я считаю – замечательно, что ты не пытаешься даже прикрыть своего гнева. У тебя есть откровенные вопросы и глубокие внутренние битвы – все это требует разрешения. Бог достаточно велик, чтобы справиться с этим. Не отворачивайся от своей боли, и даже не пытайся укрыть ее от Него. Его этим не впечатлишь и себе лучше не сделаешь! Открой этот гнев Богу. Он знает, как провести тебя через все, а ты увидишь Славу Его таким образом, как ты даже и не мечтал».

В этот момент дверь в кафетерий открылась. Медсестре не пришлось долго осматриваться: «Джон, это вы?»

«Да», - отозвался он.

«Вы просили сообщить, если мистеру Филиппу станет хуже. Похоже, что он уже близок к тому....»

«Спасибо, уже иду». Он снова обернулся ко мне: «Мне нужно идти. Может, пройдешь, наведаешься к Андреа? Да и сам поспи маленько».

«Но я еще не решил, как дальше быть».

«За несколько минут или часов ты это все равно не решишь. Это путь длиною в жизнь, Джейк – учиться отказываться от своих иллюзий в том, что ты можешь что-либо контролировать и позволять Богу решать все по-своему. И никто еще не сказал, что это легко. Это еще не последний урок».

«Я же должен для себя определить, что делать с работой, церковью, со всем другим», - мой контрольный список неразрешенных вопросов сразу же поплыл у меня перед глазами. Я ждал, что Джон укажет хоть какое-то направление движения.

«Разреши я задам тебе один вопрос, Джейк. Чего тебе не хватает, чтобы прожить сегодняшний день?»

«Работы не хватает. Не хватает понятия, чем оплатить этот счет», - я взмахнул рукой, показывая на больничные стены, которые нас окружали.

«Да, и не хватает уверенности в том, что Отец твой Небесный давно обо всем этом знает и любит тебя настолько, что уже все для тебя устраивает. У тебя есть все, что необходимо

для того, чтобы прожить сегодняшний день. У тебя просто еще нет всего того, что необходимо, чтобы дожить до конца месяца. Но это еще долгий срок».

«Да. Пожалуй тут ты прав», пришлось мне согласиться.

«Это все, что нам обещано, Джейк. Если ты можешь полагаться на Его любовь каждый миг жизни, тогда ты действительно знаешь, как жить в свободе». Джон встал, чтобы идти и я поднялся, чтобы обнять его на прощание.

«Где же найти такую веру?»

«Ее нигде не найдешь. Он создает ее внутри тебя, даже посредством тех обстоятельств, которыми ты пренебрегаешь. Просто иди к нему и наблюдай за тем, что Он производит. Это Отец, который знает тебя намного лучше, чем ты сам себя знаешь, и даже любит тебя больше, чем ты сам себя любишь. Проси и Он поможет тебе понять, насколько сильно Он тебя любит. Именно это и произведет перемены». Затем он махнул в сторону двери «Мне надо идти».

Мы обнялись, и он направился к двери. Я собрал свои многочисленные вещи и заторопился вслед за ним. Мне не терпелось навестить к Андреа. Двигаясь в направлении ее палаты, я решил для себя так: до конца дней своих теперь буду просто знать, что любовь Отца пребывает во мне пред лицом любых обстоятельств, и никогда не буду подвергать это сомнениям. В то время я и не подозревал, насколько мне это пригодится в дальнейшем.